

Дорога до управления коммуны заняла у брата с сестрой больше часа. Когда они наконец добрались, там вовсю шло собрание местного актива, так что ребятам пришлось ждать на улице.

Подслушивать Хань Дуй не собирался, но голоса за стеной гремели так, что волей-неволей до него долетали отдельные фразы: «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая», «ликбез», «укрепление дамбы».

Юноша старательно наматывал на ус каждое слово. В будущем эти лозунги могли сослужить ему хорошую службу.

В голове уже зрел чёткий план.

"Кем я был в прошлой жизни? Специалистом по борьбе с бедностью, поднимал отсталые районы. А принципам изменять нельзя: раз взялся за дело, иди до конца"

В эту же эпоху, чтобы приносить пользу и проводить реформы, нужно было внедриться в структуру власти. Для начала — пробиться в совет их Восьмой артели. Но тут стояло серьёзное препятствие в лице старосты Ли Маньфу, заклятого врага их семьи. Что ж, очередной вызов принят.

Конечно, сначала следовало уладить дело старшей сестры, а уж потом браться за карьеру. Дорогу осилит идущий, торопиться некуда.

Ждать пришлось около часа, пока собрание наконец не завершилось. Из дверей повалили партийные кадры.

Среди толпы мужчин выделялись лишь три женщины. Хань Дуй никогда прежде не видел директора Ян из Всекитайской федерации женщин, но намётанный глаз сразу вычленил нужного человека среди прибывших. Женщина лет тридцати с короткой стрижкой говорила уверенно и держалась с деловой хваткой.

Выждав удачный момент, Хань Дуй уверенно шагнул к ней.

— Здравствуйте, товарищ! Простите за беспокойство, вы ведь директор Ян из Всекитайской федерации женщин? Позвольте отнять у вас пару минут. Нам очень нужно сообщить о вопиющем случае.

Товарищ Ян удивлённо остановилась, оценивающе оглядывая юношу.

— Да, это я. Как тебя зовут, молодой человек? Что за дело?

Хань Дуй не стал скромничать и заговорил звучным, уверенным голосом:

— Меня зовут Хань Дуй, я из Восьмой артели Великой бригады Хунсин. Только этой весной окончил вторую уездную школу. Знаете, наши девчонки в классе постоянно ставили вашу работу в пример! И вот сегодня мне посчастливилось встретить вас лично. Мы с сестрой пришли просить защиты. В нашей деревне до сих пор процветает феодальное насилие над женщинами — их насильно принуждают к браку.

С этими словами он мягко подтолкнул вперёд сестру. Хань Мэй, робея под строгим взглядом чиновницы, едва выдавила:

— Товарищ Ян... мы... мы насчёт обмена невестами пришли заявить.

Лицо директора Ян мгновенно посуровело. Повернувшись к стоящим рядом коллегам, она скомандовала:

— Вы идите, готовьте отчёты. Я разберусь с этим делом, и тогда соберёмся на летучку.

Женщины ещё раз с любопытством оглядели Хань Дуя и Хань Мэй, после чего поспешили уйти.

— Пройдёмте в кабинет, — коротко бросила Ян.

Кабинет оказался скромным: простой письменный стол, пара деревянных табуретов, стопки папок с документами да ярко-красный термос на тумбочке. Хозяйка гостеприимно налила им в эмалированные кружки тёплой воды.

Поприветствовав её кивком и вежливо поблагодарив, Хань Дуй сделал пару глотков и перешёл к сути. Председательница слушала предельно внимательно, изредка прерывая его рассказ короткими, точными вопросами.

— Товарищ Ян, — добавил Хань Дуй в конце, — на мой взгляд, действия моей бабушки и отца — это чистой воды принуждение к браку, что напрямую нарушает Закон о браке. Столько лет прошло после освобождения страны, а в деревнях до сих пор держатся за этот дикий обычай обмена невестами! Это же настоящий феодальный пережиток, раковая опухоль на теле нашего нового общества. Её нужно вырезать с корнем!

Директор Ян одобрительно кивнула юноше за столь верную политическую оценку и повернулась к Хань Мэй. Та поначалу робела, но тёплое отношение чиновницы помогло ей раскрыться. Рассказывая о наблевшем, девушка не выдержала и тихонько заплакала.

Ян сочувственно похлопала её по плечу:

— Товарищ Хань Мэй, не переживай. Наша Федерация женщин не оставит тебя в беде. Через пару дней я лично приеду в вашу бригаду и проведу серьёзную беседу с твоей бабушкой. Попробуем прочистить ей мозги.

Тут директор Ян на секунду задумалась и спросила:

— Послушай, а вы пробовали сначала обратиться к вашим местным активисткам? К уполномоченной по правам женщин в бригаде или к старосте вашей артели?

Хань Дуй вздохнул, тщательно подбирая слова:

— Мы пытались найти руководство в бригаде, но никого не застали. А что касается нашей уполномоченной, Ван Мэйюнь... Понимаете, у нас в деревне всё очень непросто.

Он деликатно обрисовал многолетнюю вражду между кланами Хань и Ли. Если Ван Мэйюнь, которая сама была из семьи Ли, придёт читать мораль их упрямой бабке, та из чистого упрямства сделает всё наоборот, и конфликт только обострится.

Высказав свои опасения, Хань Дуй виновато потупил взор, разыгрывая искреннее смущение:

— Товарищ Ян, скажите честно... мы ведь поступили неправильно, обратившись к вам напрямую, минуя местное начальство? Это не доставит вам лишних хлопот? Просто я смотреть не мог, как страдает сестра, вот сердце и заболело. Мы ведь знаем, как вы справедливы, как горячо защищаете права женщин и не боитесь трудностей. Вот и бросились прямо к вам, совсем голову потеряли от тревоги...

Ян добродушно усмехнулась:

— Ну что ты, пустяки. Защита прав женщин — моя прямая обязанность, так что никакого нарушения тут нет.

Затем председательница Ян побеседовала с каждым из них отдельно. Она расспросила Хань Мэй о деталях быта, сделав пометки в блокноте, а с Хань Дуй поговорила в более непринуждённой обстановке, поинтересовавшись его планами на учёбу и нынешней работой.

На прощание товарищ Ян ещё раз пообещала выкроить время и приехать в их артель в ближайшие дни.

Брат с сестрой тепло попрощались и вышли на улицу.

— Сяо Жуй, как думаешь, товарищ Ян правда к нам приедет? — с сомнением спросила Хань Мэй на обратном пути.

— Можешь не сомневаться, придет, — уверенно отозвался Хань Дуй. Поймав её встревоженный взгляд, он ободряюще улыбнулся. — Кстати, ты сегодня держалась молодцом. Говорила чётко, складно — я даже не ожидал.

Мэй покраснела и застенчиво опустила глаза:

— Да ладно тебе... У меня поджилки тряслись от страха. Это я на тебя глядела — ты так складно всё излагал, вот и я немного смелости набралась.

— Это с непривычки, — подмигнул брат. — Почаще будешь с людьми общаться, и робость сама пройдёт.

Болтая обо всём на свете, они зашагали к сельмагу. Ассортимент в лавке был скудным, зато покупателей набилось прилично. Отстояв небольшую очередь, они купили коробок спичек и кусок простого мыла. Старшая сестра заговорщически шепнула, что у неё припрятано несколько мао карманных денег, и спросила, не хочет ли он купить что-нибудь для себя, но Хань Дуй лишь с улыбкой покачал головой.

Ещё час обратного пути — и они дома. На пороге их тут же перехватила взволнованная Чэнь Юэсян.

— Ну как? Удалось поговорить?

— Всё отлично, мам, — отчитался Хань Дуй. — Товарищ Ян пообещала на днях приехать и провести с бабушкой политбеседу.

Мать скептически поджала губы:

— Ой, сомневаюсь я... Нашу бабушку никаким начальством не проймёшь, упрямая как осёл. Станет она слушать городскую финтифлюшку.

— А если не станет дома слушать, пускай её вызовут прямо в управление коммуны на ковёр, — хладнокровно отрезал сын. — То, чем она занимается — это махровые феодальные пережитки, те самые «четыре пережитка», с которыми партия призывает бороться. Самое время унять её пыл общественным порицанием.

Чэнь Юэсян даже рот приоткрыла от изумления:

— Как это... родную бабушку под критику подвести? Сяо Жуй, грех это, люди же засудят!

— Какой ещё грех, мама? — с самым честным видом возмутился Хань Дуй. — Я же исключительно ради её собственного блага стараюсь! Помогаю родному человеку избавиться

от классовой незрелости, повысить уровень сознательности. Я ей любимый внук, разве я могу желать зла собственной бабушке?

Юэсян растерянно моргнула. Вроде бы сын говорил правильные, партийные вещи, но от этого ледяного прагматизма у неё по спине пробежал лёгкий холодок. Что-то во всём этом было глубоко неправильное.

За обедом за столом собралась вся семья. Вернулся с работы Хань Дахуа. Старшего сына, Хань Гана, дома по-прежнему не было, но никто о нём не спрашивал — ели молча, работая ложками.

Наконец Дахуа отложил палочки, кашлянул и нерешительно произнёс:

— Мэйцзы, Сяо Жуй... Я тут ходил к деду с бабкой. Бабка ваша упёрлась рогом, слышать ничего не хочет. Ганцзы ушёл к бабушке и дяде, но, думаю, там тоже ловить нечего — костями лягут. Может... ну его? Давайте оставим всё как есть.

Хань Дуя так и подмывало высказать отцу всё, что он думает о его малодушии. Но он вовремя сдержал гнев и заговорил тихо, прощупывая почву:

— Отец, этот дом принадлежит тебе и маме. Почему нашей жизнью должны распоряжаться посторонние люди?

— Какие же они посторонние? — насупился Дахуа. — Это твои бабушки!

— Все, кто не живёт под этой крышей — посторонние, — отрезал Хань Дуй.

— Да пойми ты! — Дахуа раздражённо махнул рукой. — Мать уже один раз устроила тут светопреставление. Будем упрямыться — она нам жизни не даст, загрызёт. А если ещё и прабабушка подключится, мы просто взвоем! Вы этого хотите?

Хань Дуй мысленно усмехнулся.

"Значит, чтобы бабки не шумели, можно родную дочь швырнуть в пекло? Какая потрясающая мужская логика"

Он уже открыл было рот для резкой отповеди, но почувствовал, как мать под столом чувствительно пихнула его ногой. Парень мгновенно сориентировался. Действительно, отец хоть и слабохарактерный, но пока что на их стороне. Излишний напор лишь заставит его закрыться в своей раковине. Тут нужен тонкий подход.

Хань Дуй резко сменил тон, на его лице отразилось искреннее сочувствие:

— Папа, прости меня, я не хотел спорить. Просто... мне за тебя до слёз обидно. Ты ведь уже взрослый, уважаемый в деревне человек, к твоему слову прислушиваются. Почему же дома тебя заставляют ходить по струнке, словно мальчишку?

Дахуа замер с занесённой ложкой.

— Ладно бы бабушка с дедушкой тебя ценили больше всех, — вздохнул Хань Дуй, подливая масла в огонь. — Но ведь все знают: для них свет в окошке — дядя Старший да дядя Третий, а балуют они пуще всех Младшего. Ты у них вечно посредине, как кость в горле. В деревне старожилы до сих пор вспоминают, как тяжело тебе в детстве приходилось. Всю грязную работу на тебя валили, все тумаки тебе доставались. Если братья нашкодят — виноват Дахуа! А теперь посмотри: как они живут и как мы перебиваемся? Где тут справедливость? Почему бабушка не лезет с поучениями к старшему брату? Почему не приструнит младшего, который днями напролёт лодыря гоняет? Нет, к ним она не суётся. А на тебя наседает, потому что знает — ты человек совестливый, добрый. Просто пользуется твоей мягкостью!

Хань Дахуа угрюмо молчал, уставившись в свою чашку. Каждое слово сына попадало в старую, глубоко запрятанную обиду.

Чэнь Юэсян мысленно аплодировала сыну — ай да малец, как тонко за живое задел! Однако для виду решила разыграть строгую мать:

— Ишь, разговорился, умник! Мал ещё старших судить. Чтобы я больше таких речей про деда с бабкой не слышала! Не хватало ещё, чтобы по деревне поползли слухи, будто мы сыновей непочтительными растим.

— Мама! — Хань Дуй состроил оскорблённую невинность. — Разве заступаться за родного отца — это непочтительность? Как я могу молча смотреть, когда его обижают? Я ему сын или кто? Если мы, его родная кровь, о нём не позаботимся, то кому он вообще нужен?

Юэсян тяжело вздохнула, продолжая искусно вести свою партию:

— Одно дело, если бы чужие люди твоего отца забижали. Тут мы бы все стеной встали. Но ведь это его родители! Старики есть старики, какими бы они ни были. Нам положено безропотно сносить их волю.

— Мам, на дворе новая эпоха, социализм! — горячо возразил Хань Дуй. — Феодалские замашки давно пора оставить в прошлом. Нынче мы оцениваем людей по их верности революционному делу, а не по родственным связям!

Этот безупречный дуэт разыгрывался как по нотам. Хань Дахуа слушал их, и на душе у него становилось всё гаже и тоскливее. Обида, копившаяся десятилетиями, заворачалась в груди тяжёлым комом.

— Хватит! — наконец буркнул он, нахмурившись так, что брови сошлись на переносице. — Развели тут демагогию. Ешьте давайте.

Мать и сын незаметно переглянулись и победно улынулись одними уголками губ. Хань Дуй мысленно сделал пометку: тактику нужно продолжать. Вода камень точит — тихий, вкрадчивый шёпот изо дня в день сделает своё дело лучше любого открытого бунта. Медленно, но верно, словно весенняя влага, питающая землю, его слова просочатся в душу отца.

Председательница Ян оказалась женщиной дела. Не откладывая вопрос в долгий ящик, уже на следующее утро она прибыла в деревню Ханьли. В сопровождении местной активистки Цзинь Чжаохун и уполномоченной Восьмой артели Ван Мэйюнь она направилась напрямик к дому Чжао Чуньпин, чтобы лично взяться за её политическое воспитание.

<http://bllate.org/book/19655/1951536>